

АНТРАКТЪ.

1.

Аптекти, выходящие ежеднвно, по средамъ. Цѣна годовому изданію (30 №№), съ доставкой на домъ, въ Москвѣ — 2 руб. сер.; по 1
годовому! — 1 руб. 50 коп. сер.; на три мѣсяца — 1 руб. сер. Для подписчиковъ же на театральныя зданія цѣна годовому изданію — 1 руб
сер. Подписки отъ индивидуальныхъ принимаются только годовыя и за пересылку въ друге города принимается 1 руб. 50 коп. сер. въ годъ (всего
3 руб. 50 коп. сер.). Стокъ подписки съдается съ 1го числа каждаго мѣсяца. Подписка принимается ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ
вечера, въ конторѣ типографіи ИМПЕРАТОРСКИХЪ московскихъ театровъ (Ив. М. Смирнова), на Никольской улицѣ, въ домѣ графа Олсуфьева

ПОДПИСЪНА ГАЗЕТА

АНТРАКТЪ

1867 ГОДА.

Антрактъ“ въ текущемъ 1867 году издается по прежней программѣ и въ прежнемъ направленіи. Цѣна годовому изданію (50 нумеровъ) съ доставкою на домъ въ Москвѣ—2 р. сер.; для подписчиковъ же на театральныя афиши — 1 р. сер.; за пересылку въ другіе города приплачивается — 1 р. 50 к. е. Подписка принимается въ конторѣ типографіи императорскихъ московскихъ театровъ (П. И. Смирнова); на Никольской улицѣ, въ домѣ графа Орлова-Давыдова, а во время спектаклей—и въ книжной лавкѣ, въ Большомъ театрѣ.

Въ настоящее время „Антрактъ“ есть единственное въ Россіи изданіе, посвященное исключительно театру; онъ слѣдитъ за дѣятельностью какъ русскихъ (столичныхъ и провинціальныхъ), такъ и иностранныхъ театровъ.

Содержание: Миражи, стихотворение Не-поэма. — Московский театр. — Смѣсь (Предстоящая повесть на московской сценѣ. Бѣдствія петербургской балетной труппы. Случай въ цркви Глинки. Несчастный случай)

М. И. Р. А. Ж. И.

...и приобретены: тасценъ, музави, комо-
ды и сѣлахъ ковровъ изъ мѣл... Часъ ями
...и по провансу Хромовети отъ...
...le diable batouche par l'essage, olacti
...g. 1.).

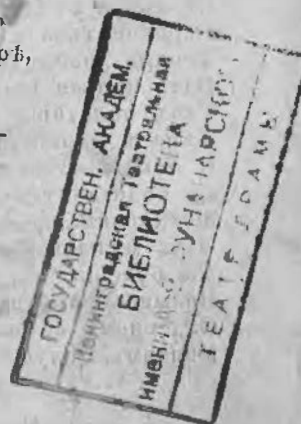
Охъ, ужъ всё это мнѣ чужды и видны!
Охъ, ужъ всё эти мнѣ находивые сны!
Мнѣ отъ волнений дил я ночью нѣтъ спасенья
И сны мои всегда, какъ изъ бѣду, несны.
Я встрѣтилъ новый годъ—и спать въ постель ложился.

Надблес позабыть и думы, и дѣла;
Но чуть забылся спомъ, какъ вдругъ ужъ ощутился
Опять у своего рабочаго стола;
Но я былъ не одинъ: передъ мной стояла
Фигура странника. Изъ одеждъ пресмѣшной,

Съ погой на костылѣ; ротъ глупо ослаблѣла
И смѣло повела такую рѣчь со мной.

ХРОМА И ФУГРА.

«Что смотришь, на меня такъ дико?
 Ужъль тебѣ я не знакомъ?...
 Меня серьезити разгляди-ка!
 Съ такимъ встрѣчался-ль чужакомъ?
 Живемъ съ тобою въ одной мы сферѣ,
 Въ одномъ вращаемся кругу.
 Не вѣришь мнѣ? А я не лгу.
 Искусства мѣръ, по крайней мѣрѣ, —
 Мой мѣръ. Вѣдь я въ душѣ артистъ.
 Изъ видѣ я, правда, не казистъ,
 Но мой костюмъ изысканъ, чистъ.
 Хромаю я лишь для куража...
 Да ты меня когда-то зналъ,
 Ты о моихъ дѣлахъ читалъ:
 И Хромоногий бѣсъ Лесова.
 Давно смогрю я на тебя...

Мнѣ вконецъ ужъ тошно стало
 И я скажу тебѣ любя:
 Такъ жить, повѣрь мнѣ, не пристало!
 Всего тебѣ въ искусствѣ мало...
 Вѣдь ты неперправмо-плохъ
 И для тебя искусства чары—
 Все тоже, что стѣнѣ горохъ.
 Вѣдь мы съ тобой не такъ же стары,
 Чтобъ ужъ не подбирать и крохъ
 Отъ благи, утѣхъ и наслажденья.
 Пора оставить заблужденья!
 Скорѣй глаза твои протри.
 Что попусту ихъ паяли въ небо!
 Ты хочешь вѣсть—ищи же хлѣба
 И больше подъ ноги смотри.
 Не все же въ тонѣ пѣть мнорномъ!
 Повѣрь мнѣ, вовсе не умно,
 Что въ мѣрѣ свѣтломъ и просторномъ
 Тебѣ и тѣсно, и темно!
 Сидишь, какъ въ траурѣ, лесь въ черномъ,
 И дома даже въ скрутку...
 Вѣдь это, согласись,—патыжка!
 Ни перстня, ни кольца, бѣдьяжка.
 Не зналъ ты на своей рукѣ.
 Ты счастливъ, радъ! А знаешь, это—
 Плохъ, милый мой, примѣта.
 Ты черствъ, какъ видно по всему;
 Сухому сердцу твоему
 Никто не милъ, никто не нуженъ.
 Кого любилъ ты? Съ кѣмъ былъ друженъ?
 Къ кому ты былъ расположенъ?
 Хоть разъ ты былъ-ли пораженъ
 Желанной рѣчью, милымъ взглядомъ?
 Случайной страсти сладкимъ ядомъ
 Разъ въ жизни отравился-ль ты?
 Прель обаяньемъ красоты
 Невозмутимъ, на видъ спокойнѣе...
 Прелюбопытнѣе ты устроенъ!
 Взглянуть: ты счастливъ и здоровъ,
 Хоть часто мраченъ и суровъ...
 На дѣль-жъ лесь ты заболѣлся!
 А почему?—Да засидѣлся.
 Живешь, какъ спишь! Вросъ зтотъ сонъ!
 Тебѣ, братъ, нуженъ мѣняющъ,
 Движенъ, сильное движенъ!
 Послушай, сдѣлай одолженъ—
 Пустишься со мной до облаковъ!
 И, какъ съ студентомъ у Лессажа,
 Съ тобой къ миражу отъ миража
 Переноситься я готовъ.
 Теперь довольно мы знакомы!
 Идти пѣдемъ намъ—оба хромы,
 Такъ полетимъ со мною ты.
 Туманъ прошедшаго раздвинемъ
 И бѣглымъ взглядомъ мы окинемъ
 Стъ полета птицы, стъ высоты
 Московскій нашъ оригинальный
 Мѣръ музыкально-театральный.
 Ты будешь, вѣрно, очень радъ!
 На мигъ воротимся назадъ,
 Отдернемъ времени наавѣсу,
 Увидимъ цѣлую пѣсу,

Пожалуй, нѣ. нѣсколько хорнадъ (*)
 (Вѣдь на хорнады пивче мода
 За тѣмъ, что изъ модѣ Кальдеронъ),
 Осмотримъ съ нѣсколькихъ сторонъ
 Дѣла исчезающаго года.
 Но только—чуръ—изволь смекать.
 Какъ нѣтъ искусства всѣхъ сторицей
 Умѣютъ подлѣзу извлекать.
 И имъ, какъ выточною ослицей,
 Безмилосердно помыкать.
 Владѣй собой лишь! Успокойся!
 Разплечься—помни—мы хотимъ.
 Держись же за меня!.. Не бойся!..
 Ужъ мы въ пространство!.. Мы летимъ.

Актъ первый, первая хорнада!
 Тутъ повнимательнѣй бытъ надо.
 Осмотръ, тамъ всюду по горамъ
 Подъ ризою угрюмой почп
 Какое зрѣлище предъ очи
 Стъ тобою пдругъ иллитъ намъ
 Творцы оригинальныхъ драмъ!
 Осмотрѣть безъ смѣха нѣту моча.

Облака разступаются. Показывается пустынная скалистая лѣстность. По вершинамъ скалъ блуждаютъ драматическіе авторы разныхъ возрастовъ, лѣтъ, половъ, видовъ и напиривовъ; измученныя фигуры ихъ прикрыты рубищами, головы похвѣтны пѣломъ. Луна на ночь.

ХОРЪ АВТОРОВЪ.

Ахъ, ребяташки, какъ грустно
 Бытъ безъ дѣла, дѣла ждать!
 Ни печатно, ни изустно
 Горь намъ не передать!
 О, какъ наши интересы
 Всѣ въ копецъ повреждены!
 На чужія лишь нѣсы
 Мы смотрѣть принуждены.
 Но скорѣй, ребята, надо
 Чтѣ-нибудь намъ предпринять,
 Чтѣбъ могли мы до упада
 Снова пѣсы сочинять.

Одинъ изъ передовыхъ.

Глаголь времеши! Металла эвоны!
 Меня вапъ хортъ, друзья, смущаетъ
 Беретъ за сердце зтотъ стонъ
 И въ размышленъ погружаетъ.
 Колеблется въ основахъ мѣръ!
 Увы! Во вкусахъ современныхъ—
 Нашествіе иноплеменныхъ.
 Сначала былъ въ ходу Шекспиръ:
 Ну, съ этимъ скоро порѣшили!
 На пѣсы лучшій его
 Вдругъ дебютантку напустили.
 Та, отъ усердія своего,
 Взялась за роль престыжно
 И такъ отдѣлала ихъ важно,
 Чтѣ отъ ролей-то ничего

(*) Хорнадамы (т. е. дини) называются въ драмахъ Кальдерона—дѣйствія.

Уж! не осталось. Удружила!
 Въ доску объ пьесы положила!
 Потомъ Мольеръ и Кальдеронъ
 Являсь съ разныхъ адругъ сторонъ...
 Опять откуда что берется...
 Обоймъ сильно имъ везетъ:
 Ихъ слушать публика идетъ,
 Она ихъ смотритъ, имъ смѣется.
 Вотъ тутъ бороться намъ придется!
 Но, чтобъ пдти навѣрняка,
 Оставимъ наши дни пока:
 Для насъ въ нихъ толку слишкомъ мало!
 Жизнь современная бѣдна
 И съ ней поэзия для насъ трудна.
 Понцдемъ лучше матерьяла
 Мы у исторіи; со дня
 Ея великихъ мы людшекъ
 Какъ разъ наловимъ и тогда
 Піэсы просто хоть куда
 Изъ ихъ повывроемъ страстишекъ.
 Иноплеменныхъ сгонимъ зень.
 Успѣхъ насъ вѣрный ожидаетъ!
 За мною! Пасъ ужъ призываетъ
 Глаголь премепъ, металла звонъ!
(Значительная толпа бросается вперед, и передовыми).

Двое изъ толпы *(всплвдъ уходящипъ).*

Ушли! Туда имъ и дорога!
 Ну, нѣтъ, мы подождемъ немного.
 Мы, повсе не хотимъ отстать
 Отъ драмъ, комедій современныхъ
 И отъ эффектовъ декорационныхъ.
 Просторъ перу пріятно дагъ
 И пьесы, какъ снѣжки, катать.
 Кто, господа, плдетъ за нами?

(Молчатъ).

Някъ! Исплите послѣ симъ!
 Пу чтожъ? Коль такъ, мы и вдвоемъ.
 Катать снѣжки свои пойдемъ.

(Уходятъ).

Оставшіеся авторы.

Ступайте съ Богомъ, коль охота!
 Нѣтъ, намъ не пишется ужъ что-то.
 Охоты тратить время нѣтъ.
 Одно ужъ то, что комитетъ
 Литературно-театральный
 Па трудъ серьезный, капиталный
 Вдругъ можетъ наложить запретъ.
 Одно ужъ это страхъ наподитъ,
 Писать охоты не приходится.

Одинъ изъ мнѣе возможныхъ авторъ
(пытающъ съ онеетомленіемъ).

Пить разъ я пьесу посыналъ,
 Пить разъ се онъ запрещалъ.
 А пьеса была стихами
 И хороша-ль—судите сами:
 Я вамъ прочту...

Нѣсколько голосовъ.

Постой, дружокъ.

Есть артистическій кружокъ,
 Тамъ пьесу ты прочтешь удобно.

Обрдованный авторъ.

Неужто?... Это безподобно!

Лечу, сейчасъ туда лечу!

Читать пьесу я хочу.

Другой авторъ *(съ надменностью во взоръ).*

Ну, нѣтъ, счастливѣй, видно, я:

И комитетъ прошла моя

Патріотическая пьеса,

Да толку нѣтъ въ томъ ни бельмеси:

И просто совѣстно сказать:

Не могъ актерамъ навязать.

Піэса даромъ пропадаетъ

И сцены много въ ней терлетъ;

Актеры-жъ слушать не хотятъ.

Противно въ мірѣ томъ постыкомъ!

Тамъ про меня вдругъ говорятъ,

Что сунулся съ сукопнымъ рыломъ

Я не спросилъ въ калачный ридъ.

Непониманіе какое!

Голоса съ разныхъ сторонъ.

Да, намъ житье куда плохое!

Пока должны мы все терпѣть

И съ горя пѣсни хоромъ пѣть.

Полухоръ.

Ахъ, ребятушки, какъ грустно

Жить безъ дѣла, дѣла ждаты!

Пи печатно, ни изустно

Намъ тоска не передать!...

(Овразженстая листносецъ. Изъ овразговъ выглядываетъ густыни илубани пары. Но овразжанъ овразговъ не слышитъ ничего, инозельныи драматическее писатели.)

Русскіе авторы *(входятъ ни сцену съ иваодилии въ рукахъ).*

Ну-те, братцы, поскорѣе

Запускайте невода!

Пусть герон покрупнѣе

Попадутся къ намъ сюда!

И наловимъ мы для сцены

Историческихъ людей,

Съ модныхъ пьесъ пославимъ дѣвы!...

Не боимся мы судей!

Авторъ-пожакъ.

Вотъ я исторіи овраги!

Но только потъ что, господа:

Я вижу, наши непода

Тутъ не годится никуда.

Имѣйте больше лишь отваги:

Она намъ здѣсь всего нужнѣй.

Ну, припадайте-ка дружныи

Вы къ берегамъ тѣхъ буераковъ

И въ пихъ пригоршнями, какъ раковъ,

Ловите разныхъ молодцовъ,

Людей великихъ и героевъ

Всѣхъ націй, видовъ и покровъ
Хватайте ихъ со всѣхъ концовъ.
Мы ихъ на сцену всѣхъ спровадимъ;
А не придутъ, такъ приладимъ,
Дадимъ имъ видъ иной и цвѣтъ.

А в т о р ы.

Да тутъ почти и мѣста нѣтъ.
Вонъ сколько уахъ ловцовъ пришло.
Поживъ тутъ намъ будетъ мало.

(Съ простотю бросаются къ окраинамъ буераковъ и
начинаютъ ловити.)

Авторъ-вожакъ.

Вонъ англичанинъ, что есть сямъ,
Двухъ кардиналовъ изловилъ.
Съ улыбкой злобой и лукавой
Онъ плетерей ихъ держитъ всей.
Вонъ Ришелье — трепещетъ въ правой,
А въ лѣвой мечется Вольсей.
Вольсей ужъ наконецъ взмолился.

В о л ь с е й (Англичанину-драматургу,
жалобно).

Пусти меня, прошу, назадъ!
Ты, право, самъ не будешь радъ.
На сцену я ужъ разъ являлся.
Меня покойникъ Калдеронъ
Еще назадъ тому три вѣка,
На поученье чловѣка,
Показывалъ со всѣхъ сторонъ.
Во мнѣ для сцены нѣту цѣли.
Меня и знаютъ, и смотрѣли,
И будутъ, вѣрно, вновь смотреть.
Ужъ я успѣлъ поустарѣть.

(Вольсей, барахтаясь, успѣваетъ выскользнуть изъ
руки англичанина и юркнуть въ оврагъ.)

Г о л о с а.

Эхъ, англичанинъ сплеховалъ:
Вольсей изъ горсти маху далъ!

А н г л и ч а н и н ъ - д р а м а т у р г ѣ.

Но, yes! И одного довольно.

(Выправляетъ кардиналу члены).

Фигурка Ришелье.

Ай, ай! Да что ты! Эдакъ больно!

А н г л и ч а н и н ъ.

Yes! Не кричи!... Изволь молчать!

Фигурка Ришелье.

Да разѣ можно не кричать,
Когда отъ боли нѣтъ терпѣнья?...

А н г л и ч а н и н ъ.

Твои не глбки сочлененья
И кости вовсе не хрустятъ,
Какъ у молодежькихъ котятъ,
И неподвижны ноги, руки...
Ты не способенъ дѣлать штуки,
Къ какимъ тебя готовлю, братъ.

Фигурка Ришелье (съ достоинствомъ).

Я кардиналъ, не акробатъ!
Взгляни хоть на мою сутану!
Я дѣлать штуку твоихъ не стану.

А н г л и ч а н и н ъ (зажимаетъ ему ротъ).

Yes, yes! Ни слона! Ни гу-гу!
Сейчасъ согну тебя въ дугу.

Одинъ изъ толпы русскихъ авторовъ.

Позвольте, я вамъ помогу!

Онъ у меня какъ разъ уймется!

Мнѣ передѣлка уадется—

Ахъ, это пассія моя!

Вы идругъ дѣй сцены одолжите:

Бы къ английской принаровите,

А къ русской приспособлю я

Въ одинъ моментъ оргивала.

Ну, да короче говоря,—

Перепернемъ мы кардинала

Въ забавника и шуткаря,

Хоть будь онъ твердъ... ву, какъ желѣзо.

Вдвоемъ сумѣемъ доканать!

Смѣшны всѣдъ станеть до зарѣза

И будетъ лавры пожнать.

Его заставимъ потѣшаться

И чуть не кубаремъ кататься.

А н г л и ч а н и н ъ (жметъ русскому автору руку).

Yes! Yes! Давайте начинать!

(Отводитъ фигурку Ришелье въ сторону, выламыва-
ютъ ему члены, заставляютъ его кувыркаться, при-
творяются мертвыми и выдѣлываютъ разные другія
штуки.)

Н ѣ м е ц ѣ - д р а м а т у р г ѣ (вынимаетъ изъ бу-
ерака фигурку Галилея).

Мнѣ Галилей, bei Gott, попался!

Онъ изъ ученыхъ былъ голова,

Ему побольше надо словъ.

Чтобъ онъ рѣкою разливался,

Стихами непременно!... Вотъ

Тутъ тысячъ пять стиховъ готово.

Въ стихахъ звучитъ сильнѣе слово.

Эй, милый, раскрывай-ка ротъ!

(Насильно раздвигаетъ Галилею ротъ и всыпаетъ въ
него массу стиховъ.)

Фигурка Галилея (сильно кашляя).

Ай, ай! Мнѣ больно отъ перхоты!

Давлюсь!...

Н ѣ м е ц ѣ.

Э, полно, милый! Что ты?

Стихи такъ плавны! Только знай,

Теперь безу умолку болтай!

Услышишь ты въ судѣ угрозы,—

Стихамъ сыпь, ударься въ слезы:

Усиѣхъ беспоронъ твой тогда!

Фигурка Галилея.

Я выйду сказочнымъ героемъ,
Говорувомъ и слезомоемъ,

Какимъ я не былъ никогда.
Мнѣ показаться будетъ стыдно.
Твое насилье мнѣ обидно!

Нѣмецъ.

Что дѣлать? Надобно тебѣ
Для сцены нѣсколько поправить,
Тамъ поурѣзать, тутъ наставить.
Повѣрь, я дѣйствую любя
Ты будешь къ сценѣ лишь прилаженъ
И, право, вовсе не пѣгаженъ.

Мужчина и дама (выдвигаются изъ толпы русскихъ авторовъ и изъ-за спины итальянскіе драматурги ланятъ къ себѣ фигурку Галилея).

Эй, Галилей! Поди-ка къ намъ!
Сюжетовъ ищемъ мы для драмъ,—
Позволь тебѣ намъ изувѣчить.
Теперь такіе времена:
Хоть чѣмъ-нибудь увѣковѣчить.
Хотимъ мы наши имена.
Не всякій самъ изобрѣгаетъ!
Свое создать—въ насъ силы нѣтъ,
Такъ по чужому хотѣ узнаеть
Пускай о насъ скорѣе свѣтъ!
Къ чему противиться упрямо?
Отдайся въ руки намъ двоимъ!
Тебя объ этомъ проситъ дама.
Предъ появленіемъ твоимъ
Какая явится реклама!
Ужъ мы на этомъ стоимъ.
Беремъ мы просьбой, не угрозой.
Ты будешь насъ благодарить:
Вѣдь мы на русской сценѣ прозой
Тебя заставимъ говорить.
Съ стихами мы не дѣземъ ко рту...

Фигурка Галилея (съ сердцемъ).

Берите, что-ль, и ну васъ къ чорту!
Теперь мнѣ, право, все равно!
Не ждалъ такого я мученья;
Не то-бъ отрекся отъ ученья!

Мужчина и дама.

Вотъ такъ бы, другъ ты нашъ, давно!
(Заватываются сзади за фигурку Галилея, которую
спереди тащитъ обитый рубашки итальянскій драма-
тургъ.)

Тrio въѣхавшихъ въ Галилея.

Галилей!
Слезъ не лей
Безъ нужды напрасныхъ!
Будь смѣлѣй!
Не жалѣй
Разныхъ словъ прекрасныхъ!
(Группа исчезаетъ).

Одна изъ русскихъ переводчицъ (идетъ
новѣйшимъ по направленію отъ противоположнаго бе-
рега историческихъ бурдюковъ и ведетъ за собою на
золотыхъ шнурочкахъ цѣлую дюжину фигуръ).

Я у французовъ отпала
Прелюбопытную выходку.

Теперь мнѣ это вѣдь въ охотку!
Я прежде занята была
Поттишоманіей. Имѣла
Терпѣнье рѣзать, клеить! Вдругъ
Мнѣ эта клейка надоѣла.
Взлась за новое дѣло
И посвящаю свой досугъ
На интересныя занятія:
Фигурки рѣжу, шью имъ платья
И составляю родъ піасъ.
Вѣдь наша сцена—темный лѣсъ
И я звѣрковъ въ тотъ лѣсъ пускаю.
Вотъ до исторіи теперь
Я добираться начинаю
И въ этой кучкѣ—я ужъ знаю—
Однѣ другаго лучше звѣрь.
Я простудилась и отъ гриппа
Засяду дома на шесть дней.
Вотъ пища праздности моей!
Тутъ Эдуардъ, Іоанна Грей,
Болтунъ Корнеліусъ Агриппа
И даже вонъ сама Теодоръ.
Какой нибудь составляю вздоръ!

Фигурки (останавливаются).

Ахти бѣда намъ! Наказанье!
Ведутъ яась чуть не на закланье!

Переводчица.

Что-жъ это стали вдругъ сна?

Ливрейный! Ну-ка, подгони!

(Ливрейный человѣкъ подманиваетъ ливрейныхъ кучи-
ковъ, фигурки подпрыгиваютъ и удаляются остальныя ли-
тературщицы.)

Оригинальный авторъ (водитъ фигурку
Минина, оправляетъ на ней сборки рубашки и ста-
витъ ее къ сторонѣ).

Опранься, братъ! Чтобъ было все красиво!
Ставь къ сторонѣ и молча жди призыва:
И до тебя доходить ужъ чересть.

Фигурка Минина.

Да и вотъ жду никакъ ужъ третій годъ,
А толку нѣтъ! Да я и не жалю:
Что сцена мнѣ? Господь бы, право, съ нею.

Авторъ

Ты вздора-то помнишь говори!
Что потрудишься, покажешь поатори.

Фигурка Минина (декламируетъ).

«Готовъ одинъ поднять всю Русь на плечи!»
— Не по душѣ мнѣ больно эти рѣчи!
Куда ужъ мнѣ поднять на плечи Русь?
Подъ нею я былинкою согнусь.

Авторъ.

Не трусь, братья! Говори лишь смѣло.
Будь поважливѣй!

Фигурка Минина

«Гордыли—вразѣе дѣло».

Не ты ли самъ слова мнѣ эти далъ?

Авторъ.

Ну, я съ тобой ужъ говорить устаю.
Ты у меня, я вижу, братъ, съ изъиндею.
Поиду пока, займусь-ка Самозванцемъ.

(Уходитъ)

Фигура Мипина.

Ахъ, почто взами́нъ булатнаго
Мнѣ кардоншый дала мечъ,
Силача сложили зпатаго.
Ношу выбрали для плечъ?

Оцена—мнѣ стезя опасная:
Сгубить голову мою.
То ли дѣло площадь Красная!
Тамъ и крѣпко такъ стою.

Тамъ, простая и свободная
Обстановка мнѣ дана.
Тамъ любовь ко мнѣ пародная
Такъ живуча и сильна!

Два автора (ведутъ за воротъ фигуру Самозванца).

1-й авторъ.

Ты мое, братъ, достоянье.

2-й авторъ.

Кровью и тебѣ куплю.

1-й авторъ.

Не отдамъ безъ состязанья,

2-й авторъ.

Ни за что не уступлю.

Фигура Самозванца.

Гляжу и безмолвно на васъ, господа.
И, вѣрнѣе, просто горю со стыда.
Вы оба-то, право, сказать не въ укоръ,
Соебѣмъ изъ нустаго затѣли спортъ.
И хроники лани, ой-Вогу, не кладъ:
Дѣл старыхъ погудки на новый лишь ладъ.
Чего-жъ вы прѣстали?... Мнѣ просто не въ мочь.
Не спорьте! Отстаньте! Подите-ка прочь!

1-й авторъ.

Нѣтъ, надъ тобой десятимъ потомъ
Не рѣдко, другъ мой, я потѣлю.

2-й авторъ.

Тринадцать мѣсяцъ я счетомъ
Любезный, надъ тобой конѣлю.

1-й авторъ.

Иначе-бъ я себя сконфузилъ!

2-й авторъ.

Иначе-бъ, плохъ былъ мой расчетъ!

Оба имѣють.

Пускай-же гордѣе нашъ узелъ
Одинъ лишь жребій раздѣлитъ.

(Уходятъ поспѣшно и насильно увлекаютъ за собой фигуру Самозванца.)

Поднимающийся изъ буераковъ шуръ дѣлается суше
и скоро засниваетъ собою пространство.

Поле, покрытое сѣнью. Два оригинальныхъ дра-
матурга въ легкихъ сюртукѣхъ и въ потѣ
лица занимаются катаньемъ сѣнковыхъ комковъ. Въ
серединѣ поля опирается на ушпикъ.

Младый авторъ.

Изъ снѣжныхъ маленькихъ комковъ
Громаднѣйшя глыбы стали.
Мы ихъ порядкомъ накатали.
За то и моционъ каковъ!

Престарѣлый авторъ.

Скользятъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся.

Младый.

Ну, я, быть можетъ, устою.

Престарѣлый.

Мы оба устоять потщимся.

Младый.

Шекспиръ, Мольеръ и Кальдеронъ
Теперь едва-ли вамъ номѣха:
Мы выше ихъ со всѣхъ сторонъ—
И въ сферѣ слезъ, и въ сферѣ смѣха.
Дли смѣха—барышня моя
Выходитъ замужъ за пьянчугу...

Престарѣлый.

Ну, а дли слезъ—открытъ-ли кругъ
Смерть растянулъ въ два акта я.

Младый.

Авось, въ накладъ мы не будемъ!

Престарѣлый.

Вотъ только какъ-то мы ихъ обудемъ?
Къ кому-то ихъ рѣшимся снести?
Куда какъ плохо намъ на снѣгѣ!

Младый.

Ну, у меня вотъ на примѣтъ
Одинъ ужъ бенефискъ есть.
Подайте дѣйствовать лишь дружно!
Единодушіе намъ нужно!
Мы все обдѣляемъ какъ разъ;
Поотведемъ, гдѣ надо, глазъ...
Порой п рикъ идетъ за рыбу!
За мной катите вашу глыбу!
Что за бѣда, что мы скользимъ?...
Надуюсь! Напрямъ! Ударимъ! Порывимъ!
(Съ большимъ усиліемъ укатываютъ снѣжные глыбы).

Все исчезаетъ.

Холодой вѣсъ.

Что? хороша-ли панорама?
Вотъ что такое наша драма!
Вотъ гдѣ ея прямой разникъ!
Вотъ кто даетъ ей направленья.
И ходъ, и силу, и дилатеръ!

Что головой ты такъ поникъ?
Опять, приходишь въ раздраженіе!
Постой, тебя я освѣжу,
Иное попытать дамъ чувство
И въ двухъ миражахъ покажу,
Какъ приступомъ берутъ искусство,
Пресградъ не зная и помѣхъ,
Какъ съ боя взять хотятъ успѣхъ,
Къ успѣху страстію сгораю.
Смотри: хорнада вотъ вторая!

*Предсценія. Бенефициантка и индѣйскій авторъ вкаты-
ются на сцену съ большою глѣбу. Съ нихъ беретъ три
долѣ потѣ. Актеры стоятъ въ сторонѣ и при видѣ
глѣбы развѣиваютъ рты. Съ боку съ жемчужныхъ клѣт-
кахъ сидятъ лабры въ сюртукахъ.*

БЕНЕФИЦИАНТКА.

Ну, что, голубчики, стояте
И рты разинули? Поди-те,
Втащитъ намъ глѣбу помогите.
Мы оба выбились изъ силъ!

АКТЕРЫ.

Да кто-жъ, скажите, васъ проспѣлъ
Такою вкатывать громиду?
Надъ ней придется намъ опять
Лишь даромъ время потерять
Да надрывать до упаду.

БЕНЕФИЦИАНТКА.

Эхъ, съ вамп, вижу, нѣтъ я сладу!
Неисправимы вы, хоть брось!
Вѣдь не убудетъ васъ авось!
Вѣдь силой, чай, вы не опечки
И не разсыплетесь небось...
А еще божья челоуѣчки!

АКТЕРЫ.

Нѣтъ, этотъ трудъ ужъ намъ знакомъ!
Весь этотъ страшный спѣшный комъ
Отъ восковой растаетъ свѣчки.
И лишь останется вода.

БЕНЕФИЦИАНТКА.

Ну что-жъ такое за бѣда!

АВТОРЫ.

Потратимъ, безъ толку старающе;
Раздразнимъ этихъ псѣхъ звѣрей,
Опять поднимется рывище...

БЕНЕФИЦИАНТКА.

Вы помогите лишь скорѣй!
Звѣрей инстинкты интересы
Я соблюду... Смотрите, вотъ
Кускомъ классической піесы
Сейчасъ зажду и всѣмъ имъ ротъ.
*(Выхватываетъ изъ классической піесы перо и по-
навинуя сцену и бросаетъ ее въ клѣтки.)*

Ну, вотъ намъ, лабры, подадитесь,
Да лишь отстаньте, отвяжитесь!
*Забры не притупляютъ ниши и начинаютъ сильно ры-
чать.*

*Искусство въ осидиомъ положеніи. Передъ угловой съ
воротами башней врыностной снѣны толпи дебю-
тантокъ и кандидатокъ въ актрисы; все въ костю-
махъ амазонокъ и во всеоружіи. За пожатіи литки-
ты книжечки.*

ХОРЪ.

Къ искусству, какъ мухи,
Какъ трутни, мы льнемъ.
Дѣвицы, старухи,
И почью, и днемъ
Трудови себѣ мало
Мы можемъ прибрать.
Во чтобы ни стало.
Хотимъ мы играть.

Имѣл дебюты
Съ успѣхомъ большимъ
И ждать ни минуты
Теперь не хотимъ...

Пускай мы ужъ стары,
Пускай безъ зубовъ,
Пускай мы поджары,
Пусть голосъ дубовъ...

Скорѣй насъ впускайте!
Мы стали смѣлѣй.
Давайте, давайте
Намъ больше ролей!

Откуда хотите
Достанте вы ихъ.
Намъ деньги платите
Подъ часъ за троихъ...

Къ совѣтамъ мы глухи.
Мы силой беремъ.
Къ искусству, какъ мухи,
Какъ трутни, мы льнемъ.

(Подступаютъ къ башнѣ).

ГОЛОСА ИЗЪ БАШНИ.

Постойте! Что вы и куда?..
Вы насъ рѣшили озадачить!
Хоть плачь теперь! Отъ васъ бѣда!
Должны экспертовъ мы назначить,
Пообсудить да разглядѣть,—
Зачѣмъ вы намъ, куда васъ дѣть!

АМАЗОНКА.

Экспертовъ просимъ благодушныхъ
И мягкосердыхъ призывать.
Тѣмъ поцѣлуемъ пмъ воздушныхъ
Мы всѣ готовы вадавать.

ГОЛОСЪ ИЗЪ БАШНИ.

Да перестаньте приставать!

Актриса (выходитъ изъ воротъ башни).

Эхъ, жалъ мнѣ васъ, мои красотки!
Вамъ надо подождать погодки!
Да васъ тутъ, словно, какъ глѣхъ,
Однако будемте знакомы!
А что за книжечки торчатъ
У васъ на полсахъ?

Амазонки.

Альбомы.

Ихъ дома оставилъ—бѣда!
Есть, говорить, тутъ господа.
Которые не прочь листочекъ
Альбомный пирвать незначай.
Которымъ хлѣба не давай,—
Днѣ написать въ альбомъ пять строчекъ..
Напишутъ разной чепухи,
Превоспріятыми стихи,
И много велической морали..

Актриса.

Да, вотъ ведавно измарали
И мой альбомъ. Онъ вдругъ попалъ—
Ума не приложу я—какъ-то,
На грѣхъ, въ редакцію «Антракта».
Вотъ кто-то взялъ и намахалъ
Мнѣ тамъ формальный мадригалъ,
То есть, почти что обругалъ.
Вѣдь потѣ, подумаешь, никакъ нетно!
Ужъ я писакъ удружу!
Увѣдомлю пойду начальство
И наотрѣзъ всѣмъ докажу,
Что и старательно служу
И не привыкла къ репримандамъ.
Ужли ужъ мнѣ, съ моимъ талантомъ,
Не смѣть на сценѣ покричать?
Нѣ столь спяно повалиться,
Въ кого нибудь подъ часъ вцѣпиться?..
Нѣтъ, нѣтъ, не стану и молчать!
Писаку надо отыскать...
Сыщу!.. Углы всѣ я обшарю!..
Вѣ севать подамъ, къ министрамъ, къ государю!

Партія певцовъ. (выдѣляется изъ турмана).

Что слышимъ мы?.. Pardon madame!
Вы съ жалобой?—Такъ съ нами намъ
Одна, какъ кажется, дорога..
Вообразите, ради Бога!—
Выходитъ, съ горемъ пополамъ,
Одинъ листокъ здѣсь театральный.
Онъ съ откровенностью нахальной
Твердитъ, что плохъ весь нашъ составъ,
Что голосовъ въ насъ незамѣтво...
Положимъ, онъ, быть можетъ, правъ;
Да надо говорить секретно,
Иль вовсе лучше ужъ молчать.
Вѣдь въ слухъ нельзя всего кричать.
Иной бы самъ не догадался,—
Чего въ насъ нѣтъ и что въ насъ есть;
А глядь—пришлось статью прочесть,
Чужой премудрости забрался,—
И всѣмъ вдругъ недоволенъ сталъ:
Вотъ такъ бы всѣхъ и освистать!—
Просать начальство мы рѣшили,
Чтобы въ афишахъ запретили
О томъ листкѣ публиковать,
Его въ театрахъ продавать.
Листку устроимъ наказание,
За лживый разъ отъ варканья

Мы и себя то огладимъ.
Листку мы ходу не дадимъ!

(Густая облака скрываютъ миражъ).

Хромой бѣсъ.

Вотъ идишь полчище какое?
Кто передъ нимъ тутъ устоитъ?...
Нѣтъ, пошутить и. Будь и. покоя!
Оно воды не замутишь!
Межъ тѣмъ они всѣ такъ здоровы,
Здоровье—счастію залогъ.
Хоть взглядъ у нихъ свирѣль и строгъ;
Но.. у бодливой вѣдь коровы,
Какъ говорится, нѣту рога.—
Теперь миражъ иного рода
Сейчасъ раскину предъ тобой:
Тутъ мысли полная свобода
И скудость полная порой.
Эстетиковъ домашнихъ рои!
Тутъ Псевдонимы в Омеи,—
Новѣйшей критики побѣги,
Вкузъ русскихъ цѣлан семья:
Н. Н., Н. К., А. В., С. Я.
(Другихъ теперь не вхомяно я).
Она различныхъ всѣхъ стремлений,
Развитій, вкусовъ, направленій;
Они всему обучены
И всѣ—продукты, всѣ—сыны
Последняго десятилѣтя.
Вотъ предъ тобой хорнала третья!

(Облака разсѣваются. Лунная морозная ночь. Городская улица. Ярко освѣщенный домъ. Въ домъ музыка издаетъ, шипитъ, свиститъ).

Критикъ (въ шинели).

А въ домѣ-то кинъ будто баша.
Ахъ, чортъ возьми, я прозѣялъ
И не запасся вотъ билетомъ.
Какъ могъ я не унять объ этомъ!
А впрочемъ, что-жъ? Пройду и такъ.
На мнѣ же кетати черный фракъ.
Куплю перчатокъ бѣлыхъ пару
И прямо обращусь къ швейцару.

(Завѣска въ журнальномъ магазинѣ, старо выходитъ оттуда и входитъ на подъездъ освѣщенного дома).

Критикъ (швейцару).

Что балъ давно ужъ начался?

Швейцаръ.

Да эдакъ будетъ въ половинѣ.

Критикъ.

Я очень долго заспался
И опоздалъ по той причинѣ.
Снимши шинель.

Швейцаръ.

А вашъ билетъ?

Критикъ.

Да у меня билета нѣтъ.

Ш в е й ц а р ь.

Нѣтъ, безъ билета-ст. не возможно.

К р и т и к ь.

По это наконецъ безбожно!

Билетъ и дома позабылъ...

Самъ у меня хозяинъ былъ...

Пойми ты! Кажется, вѣдь ясно!

Ш в е й ц а р ь.

Все это, сударь, точно такъ.

Билетъ-съ потребенъ.

К р и т и к ь.

Ты дуракъ!

Ш в е й ц а р ь.

Бранить пзволите наираспо.

Мы тамъ не можемъ понимать;

Нѣ наше разсужденіе это.

Намъ приказали: безъ билета.

Въ домъ никого не принимать.

К р и т и к ь (про себя).

Пу нѣтъ, его не уломать!

(Громко).

Не на крыльцѣ-жъ мнѣ дожидаться!

И не домой-же отправиться!

Ш в е й ц а р ь.

А. какъ угодно-ст.

К р и т и к ь.

У, болванъ!

Ш в е й ц а р ь (захлопываетъ передъ носомъ критика дверь).

Захлопнуть двери. Ахъ, мужланъ!

Однако, чортъ возьми обидно!

Высоко. Ничего не видно!

На тумбу встану. Такъ виднѣй;

За то ногамъ согнуть труднѣй.

Всѣ стекла на бѣду всенотили.

Дамъ кавалеры завертѣли.

Должно быть, вальсъ. Фу, сколько паръ!

Ба! Вонъ на дамѣ пенюфаръ

Въ прическѣ пачиной, новомодной

А-la-brebis... Какой холодный

Сегодня день!... Ужъ черезчуръ!...

(Хлопаетъ руками.)

Ахъ, что за прелесть белъ-де-жури!

Юбка безподобная наюбка!

Изъ кружентъ, легтъ, цвѣтотъ и шелка!

Со вкусомъ ешито какъ канзу...

Однако съ тумбы и подзубъ!

А что на платьѣ за отдылка!

Какъ складки собраны всѣ мелко!

Что это: какъ нѣ муаре?...

Фу, какъ морозно на дворѣ!...

(Сильно жмется.)

Нѣтъ ни ва комъ ужъ криволипа.

Какое платье изъ поплина

Иль нѣ моетриша-фасона...

(Вертится на одною нѣсть.)

Мушанки бѣгаютъ но мѣ!

Что на морозъ!—Вонъ двѣ розетки

На вальсѣ или шемизеткѣ.

Вонъ платье цвѣта мосака!...

Прическа очень высока!...

У лифъ свиски какъ подолъ!...

Ай, ай! (Закочанѣли ноги!)

(Переминется съ ноги на ногу.)

Свою оплошность я вию.

Что это все вдругъ примирѣло?

А! Общество за ужинъ сѣло.

Желать бы видѣть я меню!

Какіа тамъ торню, пошады

И кулинарныхъ бравады!...

Счастливы сладкое ш

Теперь сгаканами глотаюъ,

Имъ аппетитно предлагаюъ

Тамъ гуси нечая свои!...

Всего бы я переотѣдалъ,

О всемъ узналъ бы, все провѣдалъ,

Самъ многихъ дамъ бы осмотрѣлъ,

Узнать бы—благо мнѣ въ охоту—

Кто причесалъ ихъ, кто одѣлъ;

Матеріи вины бы доброту.

Вопъ кто-то нышелъ на крыльцо.

Ба! Да знакомое лицо.

Другой критикъ (выходитъ изъ дома въ шинели и кадетской фуражкѣ на голову).

Ахъ, какъ и радъ! Куда спѣшите?

Вы мнѣ подробно разскажите:

Кто балъ давалъ? Какой предлогъ?

Хозяинъ кто? Кто были гости?...

Билета и достать не могъ.

К р и т и к ь въ кадетской фуражкѣ.

Ахъ, до того-ль мнѣ? И отъ злости

Не слышу подъ собою ногъ.

Я за мороженымъ пустился,

Да какъ-то шляпы вдругъ лишился

И вотъ—смотрите—совершился

Со мной какой метаморфозъ!

На мнѣ кадетскал фуражка!

К р и т и к ь въ шляпѣ.

Ахъ, мнѣ совсѣмъ васъ жаль, бѣдняжка!

Вѣдь на дворѣ такой морозъ!...

(Топчетъ ногами, хлопаетъ руками, дуется въ ладони и, стоя на одною нѣсть, вертится въ разныхъ сторонахъ.)

Ну, кто-же былъ царидей балъ?

Какая музыка играла?

На комъ палчій былъ шпионъ?...

Спѣшу писать я фелетонъ.

К р и т и к ь въ кадетской фуражкѣ.

Пойду и самъ я на бумагу

Налить всю желчь и пѣхъ пробрать.

Пороки надобно карать!

Я на балы теуерь—на шагъ!

(Поспѣшно уходитъ.)

Критикъ въ шляпѣ.

Онъ пресмѣшпой оригиналь!
 Такъ ничего я не узналъ.
 Пойду подъ свѣжымъ впечатлѣнємъ.
 Съ читателемъ дѣлиться всѣмъ.
 Чего же не выдалъ совсѣмъ,—
 Пополню то воображенемъ.
 Да, надо поспѣшить домой,
 Чтобъ фельетонъ окончить мой!

(Уходитъ).

*Кабинетъ. Длинный столъ въ родѣ того, на которомъ
 «десять пѣвцовъ» (въ водевилѣ того же названія) ри-
 зыгрываютъ концертъ на соловьиныхъ гармоникахъ.
 На столѣ лежатъ десять листовъ на половину испи-
 санныхъ уже бумага.*

Критикъ въ шляпѣ (входитъ, снимаетъ шляпу,
 снимаетъ фракъ, застегиваетъ рукава у рубашки, бе-
 ретъ перо и подходитъ къ первому листу)

Еще десятка два, три словъ—
 И разомъ фельетонъ готовъ
 Для десяти газетъ, столичныхъ,
 Всѣ въ направленьяхъ столь различныхъ.
 Что самъ я, прас-бъ, не узналъ,
 Что авторъ ихъ одинъ писалъ,
 Въ нихъ взглядомъ нѣтъ единоличныхъ.
 Ну, ошибку скорѣе балъ.
 Какая масса впечатлѣний!
 Съ чего пачать—не знаю я.
 Ну, въ ходъ стилистика моя
 И выручай меня мой гений!

(Пишетъ на первомъ листѣ).

Скажу, что современный вкусъ
 Ко вкусу прошлому стремится,
 Античное—какъ говорится—
 Въ ходу, отъ платья въ до бусъ.
 Въ одномъ извѣстномъ здѣсь салонѣ
 Вчера былъ многолюдный балъ,
 Балъ, лучший въ нынѣшнемъ сезонѣ:
 Онъ весь бомондъ вочти собралъ.
 Я очень много танцовалъ!

(Переходитъ ко второму листу)

Тутъ напишу: какъ жалъ, что мало
 Мы такъ своимъ всѣмъ дорожимъ.
 Что любимъ жить умомъ чужимъ
 И все беремъ, что ни попалъ,
 Что къ намъ античность не пристала.
 Вотъ я сейчасъ вернулся съ бала
 И съ грустью тамъ встрѣчалъ мой взглядъ.
 Вездѣ античный лишь парядъ,
 Который страшенъ и невзраченъ.
 Балъ былъ довольно неудаченъ.

(Переходитъ къ третьему листу)

Тутъ возглаголю я: въ добрый часъ!
 Вкусъ развивается у насъ
 И наша мода возрождается,
 Она какъ будто отрѣзвилась!
 Съ презрѣнемъ брошенъ кринолинъ
 И пеплумъ греческій—одинъ.
 Теперь въ большомъ ходу и модѣ.

Люблю костюмъ въ античномъ родѣ!
 Въ немъ прелести большой просторъ
 И пеплумъ даже на уродѣ
 Невольно мой плѣняетъ взоръ.
 Балъ въ высшемъ обществѣ явился
 И былъ на немъ и восхищался
 Такъ модой я, что генераль
 Какой-то руку мнѣ пожалъ.

(Переходитъ къ четвертому листу)

Тутъ я скажу, что надоѣло
 Гвердить о модѣ нашихъ дней,
 Что пѣвнѣетъ то и дѣло
 Она костюмы и людей.
 Ей-ей, досажуешь невольно!
 Вчера я посѣтилъ вдругъ балъ
 И наблюдать не успѣвалъ,
 Глазамъ ужъ даже стало больно
 Фу, чортъ возьми! Какъ я усталъ!
 Вспъ показались капли пота.
 Четыре только топсалъ
 Головоломная работа!
 Еще докончить надо шесть...
 Что мнѣ придумать, изобрѣсть?
 Ужъ стала разбавать зѣвота!
 Но у меня терпѣнье есть.

(Переходитъ къ пятому листу)

Является другая комната.

Посѣдлый критикъ (сидитъ въ креслѣ,
 за письменнымъ столомъ въ
 перо въ улоу и смотритъ
 въ потолокъ).

Актриса ѣдетъ. На прощанье
 Пуститься надо въ влѣянье;
 Каль, не могу вотъ выжать слезъ
 Я изъ глазныхъ своихъ железъ!
 Но постараюсь умилился,
 Потокотъ жалкихъ словъ размыться.

(Пишетъ.)

«Зачѣмъ, какъ лсныи, свѣтлый день,
 «Когда онъ тихо погасаетъ,
 «Отъ насъ бѣжать, насъ покладаетъ
 «Артистки дѣвственная тѣнь—
 «Я пзумлепъ, стою какъ пень.
 «Искусства чудной, дивной силой
 «Ты всѣхъ къ себѣ умѣла влечь...
 «И вдругъ не будетъ гостя милой!
 «Но тутъ моя смолкаетъ рѣчь,
 «Хотятъ рѣкою слезы течь.

«Хоть иногда рѣшались строго
 «Здѣсь о тебѣ судить подъ часъ;
 «Но вѣдь такихъ людей немного,
 «Повѣрь, найдется между насъ...
 «Мы предъ твоимъ искусствомъ.—пасъ!
 «Останься здѣсь!—Насъ зависти гложетъ—
 «И я тебя благословлю.
 «Склонись къ мольбѣ!.. Но я, быть можетъ,
 «Неудачное ловлю —
 «И эта мысль меня тревожитъ».

Допольно! Право, хоть куда!
И написалъ вѣдь безъ труда.
Я годплсв-бъ сейчасъ въ рапсода,
Хоть голова ужъ и сѣда.
Эй, человекъ! Подай-ка соды!

Человекъ.

Тамъ къ вамъ пришли.

Критикъ.

Зови сюда!

*(Надвываетъ очки и принимаетъ
горделивую позу).*

Пленипотентъ *(съ огромной ингою)*

Мужъ велемудрый! Тебя-ль, кто не знаетъ?

О, пресловутый газетъ рецензентъ!

Къ помощи, къ силѣ твоей прибѣгаетъ—

Цирка призжаго пленипотентъ.

Отзывъ о циркѣ твой былъ бы такъ лестенъ!...

Правда, ты вовсе не знаешь его;

Правда, опъ здѣсь никому неизвѣстенъ...

Ну, да вѣдь это ей-ей, ничего!

Въ этой вотъ книгѣ широкой, огромной,

Вырѣзокъ бездна на всѣхъ языкахъ;

Ихъ для рекламы достаточно скромной...

Будемъ тебя мы носить на рукахъ.

Посвѣдлый критикъ *(принимаетъ
изъ рукъ пленипотента книгу)*

Да, но вѣдь тутъ нужна провѣрка.

Пленипотентъ.

Таой вкусъ, твой взглядъ—всему тутъ мѣрка.

Посвѣдлый критикъ.

Ну, хорошо; я обещу.

Быть можетъ, кое-что скажу.

Миражъ исчезаетъ. Является третья комната.

Новопрактикующійся критикъ *(раскла-
ываетъ, сидя на стулѣ и
заволаживъ руки за столомъ)*

Вотъ ботыхъ пять часовъ сижу,

Напрасно голову ломаю:

О чемъ писать—совѣмъ не знаю,

Идей никакъ не нахожу.

И умъ и память напрягаю,

Воображеніе освѣжаю:

Пью чай и нюхаю табакъ...

На мысль не нападу никакъ!

Сперва я дѣлалъ излеченья

И коммюнаціи писалъ;

Ногтей тогда я не кусалъ,

Не звалъ подобнаго мученья.

Да и не стоило труда!

Статьи всегда мнѣ урѣзали,

Мнѣ расписались не давали

И самобытности слѣда

Мои статьи не заключали.

Теперь, исполнѣ мнѣ волю дали:

Любую мысль могу провести

И несомнѣнную принести

Искусству пользу, жизнь осмыслить...

Тутъ, какъ нарочно, просто мыслить!

Я не могу... Ну потъ на дилъхъ

Піаса шла. Что (знать желаю)

Объ ней сказать?... Совѣмъ не знаю.

Какъ будто не въ своихъ санихъ.

Иду пѣча отзывъ чужаго;

За неимѣнемъ своего.

Я переначу его...

Нѣтъ въ этомъ ничего худого.

Но не напрасно же я быюсь:

И скоро-скоро разопьюсь.

Тогда-то разрожусь громами

И Ломоносова словами

Всѣмъ буду смѣло утверждать,

«Что можетъ собственныхъ Платоновъ

«И быстрыхъ разумомъ Лептоновъ

«Россійская земля рождать».

Облаки скрываютъ лиризмъ.

Хромой вѣсь.

Нока допольно! Ногожу.

Не проведу тебя сквозь строя

Господъ подобаго покров.

И этихъ будетъ! Поощаю

Твое мизерное терпѣнье.—

Что, каково столпотворенье?

Вотъ кто юматан толпы,

Руководители, столпы.

Бойцы общественнаго мнѣнья.

Какъ тутъ искусству не рости,

Не крѣвнуть мысли, не мужагься?

Послушай! Ты меня прости, —

А долженъ я тебѣ признаться,

Что, право, стыдно называться

Теперь писателемъ. Ей-ей! —

Однако взглянемъ поскорѣй,

Хоть мелькомъ, въ сферу диллетантовъ,

Гдѣ больше призрачныхъ талантовъ

Живутъ тамъ жизнью нюй,

Хоть въ атмосферѣ тоже вмертой.

Вотъ долетѣлъ какъ разъ за мной

И до хорнады ты четвертой!

*Облаки расходятся. Является анфилида освѣщенныхъ
комнатъ.*

Хоръ дамъ *(вышедшихъ вдругъ
изъ большой зады).*

Нельзя сказать, что услышали

Сейчасъ мы тамъ.

Пусть эти вѣщи бы читали

Они безъ дамъ.

Нелѣпыхъ фразъ, словесной чуши

Знакомъ намъ трескъ;

Ну, а теперь вошло къ намъ въ уши

Quelque chose grotesque.

Мужчины *(выходитъ изъ той же
зады).*

Ну, мы дремали тамъ, дремали,

Да наконецъ ужъ и устали

Должно быть, чтение безъ конца.

Какъ это не уймутъ чтеца?

Одинъ изъ гостей.

Его не разъ ужъ увимали,
Да ничего не хочетъ знать.
И продолжаетъ все читать.
Какъ будто, право, заведенный.
Читать не даромъ назвался,
До смерти радъ, что дорвался.
Вонъ старшина-то, какъ старенный...

Д а м а (въ большой пилить съ открытымъ воротомъ, въ бывшихъ перчаткахъ, съ огромною тетрадью нотъ, подлетаетъ къ старшине).

Да чтение кончатся когда-жъ?
Должна играть я по программѣ
На фортепьяно. Мнѣ, какъ дамъ,
Должны вы сдѣлать авантажъ.
Всѣ разошлись. Судите сами:
Не передъ голыми-жъ стѣнами
Искусство стану я являть.
Игрою лакеевъ забавлять.

П т в е ц ъ (въ фракъ, въ большой галстукъ, въ бѣломъ жилетѣ, въ бывшихъ перчаткахъ, со сверткомъ нотъ).

Вотъ жду я пропѣть свой номеръ.
Давлось, какъ еще не умеръ
Отъ нетерпѣнья, право, я!
Не будетъ здѣсь нога моя!...

Старшина.

Но какъ же быть?... Я озадаченъ!
Испорченъ вечеръ песь хотъ брось.
Вѣдь нынче балъ еще назначенъ
И, какъ парочно, собралось
Пріѣзжихъ два пль три артиста
Да автораторовъ штукъ пять.
Скайдалъ тутъ выйти можетъ чисто.
Не знаю, что и предпринять?

Д а м а (съ нотами).

Есть, можетъ быть, еще эстрада:
Играть вездѣ я буду рада.

Г о л о в ѣ.

Ну, пѣть, не надо ужъ, не надо!
Скорѣе открывайте балъ.
Велите, чтобъ оркестръ игралъ.

С л у г а (выходитъ изъ залы и говоритъ старшине).

Иные въ залѣ такъ заснули,
Что невозможно разбудить.

Старшина.

Такъ надо каждого на стулѣ
Скорѣй изъ залы выносить
(Въ большой залъ музыка и танцы).

Х о р ъ пріѣзжихъ.

Нигдѣ, нѣроятно,
Такъ мило, пріятно
Нельзя танцовать.
Жаль, дамъ очень мало;

Танцорамъ не стало
Ужъ дамъ доставать.

Одинъ изъ пріѣзжихъ.

Кто господинъ тотъ очень плотный,
Что межъ двухъ дамъ усѣлся тамъ?

Г о с т ѣ.

Ахъ, это, вѣрно, членъ почетный,
Который ввелъ съ собой двухъ дамъ.
На это онъ имѣетъ право.

П р і ѣ з ж и й.

Какъ все придумано тутъ здорово!

Общій туръ. Всѣ танцующіе берутся за руки и составляютъ кругъ.

Х о р ѣ.

Кружокъ нашъ хотъ тѣсенъ;
Но все ужъ не то.
Не такъ интересенъ,
Какъ нѣтъ въ немъ логот.
Къ намъ входятъ свободно,
Снять прежній запертъ:
Иди кто угодно;—
Охотникомъ нѣтъ.
У насъ нѣтъ цѣлей,
У насъ нѣтъ заслугъ
И съ каждой недѣлей
Рядѣтъ нашъ кругъ.

Погребъ, уставленный банками и кадками ратыхъ калибровъ. Идетъ укупоривающихъ.

Х о р ѣ укупоривающихъ.

Чтобы общественные нервы
Держать отъ музыки вдали,
Мы музыкальные конераи
На сей конецъ изобрѣли.
Отъ иорчи мы оберегаемъ
И для потомства сохраняемъ
Избытокъ музыкальных силъ
Достоинствъ самыхъ разнородныхъ,
Беремъ художниковъ свободныхъ
(Кто гдѣ-бы ихъ ни захватили).
Обираемъ разныхъ музыкантовъ
Съ талантами и безъ талантовъ;
Чтобъ лучше сохранивъ ихъ въ прокъ,
Мы ихъ накладываемъ плотно....
И идутъ къ намъ они охотно,
Какъ бы на выгодный урокъ.
Мы сохраняемъ ихъ всѣхъ чудесно!

Г о л о с а изъ папокъ и кадокъ.

Ай, ай! Намъ душно! Намъ здѣсь тѣсно!
За стѣнами погреба раздуются звуки шарманки.

Шарманщикъ (поетъ на мотивъ: «La donna e mobile»).

Музыка банками
Всѣ поглащается;
Только шарманками
Слухъ и ласкается.
Звуки свободные,
Хоть и охриплые,
Льютъ лишь негодныя
Шарманки сыплывъ.

Облака скрываютъ миралъ.

Хромой въсь.

Вотъ гдѣ искусство на свободѣ!
Вотъ безъ шиловъ искать гдѣ розъ!—
Ну, а теперь апотеозъ:
Апотеозы нынче ят. модѣ.
Картинка по фламандскомъ родѣ.

Облака начинаютъ снова растопиться.

Смотри! Вотъ задній дворъ. Наволь.
Заборъ, и у забора прямо
Помойнал большая яма.
Все тихо по ночной порѣ.
Все на своемъ замочкомъ мѣстѣ.
И куры дремлютъ на пашестѣ,
И спитъ собака въ конурѣ.
«Антрактъ» собакѣ этой кличка.
Собака ростомъ не величка,
Не мулрена и не жирна;
За то зубаста и върпа.
Злой человекъ колъ понадесть,
Такъ ужъ и хлѣбомъ не спасется.
Чу! Изъ копюшки домопой
Кого-то гонитъ вонъ метлой.
Собака лаять начинаеть...

Собака.

Гамъ! Гамъ! Кого тамъ поднимаетъ?...

Домовой.

Да потъ забрался въ нашъ хлѣвокъ
Кошекъ какой-то горбунокъ,
Ис, жерседецъ, не иноходецъ,
А такъ невѣдомый уродецъ.
Опъ вовсе намъ не ко двору
И мнѣ куда не пвнутру;
Онъ не поидеть намъ на разживу.
Не стану плестъ ему л гриву.
Ступай, бѣги скорѣй отсель,
Лети за тридцать земель.

(Конекъ-горбунокъ уносится)

Собака.

Гамъ! Гамъ! Туда ему дорога!

Домовой.

За всѣмъ смотрю дозоромъ строго.
Тенерь—сказать бы въ добрый часъ—
Опять ладненько тутъ у насъ.
Все въ маломъ птичникѣ спокойно.
И угомонно и пристойно,
Поменьше стало духоты,
Побольше стало чистоты.
Нодъ часъ въ конюшнѣ слышно ржанье,
Да безпокойное мычанье;
Ну, да нельзя же безъ того.
За разъ не сдѣлаешь всего!
За то теперь вонъ по забору
Въ помойной ямѣ меньше сору,
Навозу меньше хотъ куда,
Не то, что въ прежніе года;
Ну, да и въ трубахъ меньше сажн.

Ты мнѣ, собака, помстий:
Добро хозяйское отъ кражи,
Отъ рукъ нечистыхъ берегай.
У пастъ мѣдь публика—хозяйка.
Ты это намотай на усь!
А гдѣ добро си?—Узнай-ка!

Собака.

Здоровый смыслъ, хорошій вкусъ.

Облака закрываютъ миражъ.

Хромой въсь.

Въ апотеозъ бы не худо
Пустить бенгальскіе огни,
Да для тебѣ уже они
Давно, я думаю, не чудо.—
Ну что, услужилъ бѣсъ хромой?
Исправился-ль спектакликъ мой?
Миражъ, кажется, удачны.
Иль не сохъмъ еще прозрачны?—
Вотъ люди какъ умѣютъ жить!
Вотъ какъ они снуютъ ослону!
Искусство въ дойную корову
Всегда возможно обратитъ!
Вотъ гдѣ желанное-то бремя!
Вотъ въ чемъ сладчайшій самый трудъ!..
Ты безъ толку лишь тратишь время,
Искусствомъ возбуждаешь зудъ
И производишь раздраженье..
Попѣрь, лишь было бы хотѣнье,
Да деревянное терпѣнье,—
Вездѣ найдемъ себѣ тепло.
Издай-ли ты когда дупло?
Къ чему, каковысь, оно годится?
Но въ томъ дуплѣ пчела роетъ,
Но изъ дупла сочится медъ.
Всему есть мѣра и чередъ!
Помоги это ты на случай
И безъ нужды себя не мучай.
На нѣтъ вѣдь и суда, братъ, нѣтъ!..
Но ты усталъ! Тебѣ нѣтъ мочи!
Пока прощай! Покойной ночи!
Въ окнѣ ужъ брежетъ новый свѣтъ.

Не-поэты.

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

За послѣднее время на обѣихъ московскихъ сценахъ не было никакихъ новостей, кромѣ возобновленія оперы Верстовскаго «Громобой», 27 декабря, о которомъ мы и хотѣмъ сказать нѣсколько словъ.

При возобновленіи этой оперы, почти всѣ исполнители ея главныхъ ролей были новые.

Громобой исполнялъ въ первый разъ г. Радонежскій. Впечатлѣніе, производимое въ этой партіи прекрасными природными средствами его голоса, къ несчастію, не мало страдало отъ неумѣнья владѣть имъ и отъ плохой игры, переходившей иногда даже въ комизмъ въ самыхъ драматическихъ мѣстахъ роли (какъ напр. при словѣ: *согласенъ*, которое Громобой произноситъ въ перпомъ актѣ, въ отвѣтъ на предложеніе Асмодея подписать адскій договоръ, я въ по-

сѣднемъ актѣ, когда Громобой въ отчаяніи падаетъ на диванъ). Впрочемъ, видно было, что г. Радонекскій очень старался исполнить эту роль, какъ можно лучше, а, по словамъ Виргиніи, *ant desint vires tamen est laudanda voluntas* (хотя силъ не достаетъ, однако похвально желанье).

Г-жа Анненская, какъ и прежде, очень добросовѣстно исполняла роль Рогинды; только, къ несчастію, ея нѣсколько низкий голосъ вредилъ впечатлѣнію, которое могло бы произвести ея искусство, отчетливое пѣніе.

Роль Олега, которую прежде занималъ г. Владиславлевъ и, по времени оно, провозводилъ въ ней такой фуроръ аріею 3 акта, занималъ въ нынѣшній разъ г. Сѣтовъ. Тутъ, какъ и вездѣ, г. Сѣтовъ показалъ, что онъ знаетъ музыку, умѣетъ пѣть, но что у него нѣтъ уже голоса для пѣнія.

Г. Владиславлевъ въ спектаклѣ 27 декабря, играя роль Чешко, исполнившуюся прежде знаменитымъ Вангышевскимъ, а потомъ Мавровымъ, былъ совершенно безъ голоса: мѣстами его не было слышно вовсе, мѣстами онъ срывался.

Г-жа Иванова, въ роли Милашы, если не пѣнемъ, то игрою уступала прежнимъ исполнительницамъ этой роли, г-жамъ Бороздвой и Могошиной.

Не такъ давно еще на московской сценѣ былъ пѣвецъ, г. Мазаревъ. Онъ былъ одаренъ отъ природы довольно замѣчательнымъ голосомъ. Къ несчастію, голосъ этотъ остался необработаннымъ. Притомъ судьба этого пѣвца была весьма странная. Природный голосъ Мазарева былъ теноръ, но когда онъ поступилъ на московскую сцену, амилуа первого баса, за смертью Маврова, было вакантно, и вотъ онъ принужденъ былъ пѣть нерыны басовыя партіи, отъ чего, разумется, голосъ его долженъ былъ пострадать. Когда въ 1854 году возобновилась, послѣ пожара Большаго театра, *Аскольдъ* и *могилы* на Маломъ театрѣ, г. Мазаревъ снова занялъ теноромъ партію Горюхи Головапа, а потомъ пѣлъ то басовыи, то теноровыи, то баритонныи партіи; но не вмѣлъ хорошей музыкальной методики и не щадя своего голоса, онъ, разумется, не только любилъ публичн, репутация его, какъ пѣвца, была незавидная. Верстовскій, какъ знатокъ музыки и театра, понималъ, что голосъ Мазарева не лишенъ достоинствъ и згнми-го его достоинства воспользовался въ канцеляціи для него партіи Отшельника въ *Громобой*. Мазаревъ въ этой партіи, писанной согласно уцѣлѣвшимъ достоинствамъ его голоса, былъ очень хорошъ, такъ что впечатлѣніе, сдѣланное Мазаревымъ въ этой роли, не могъ ни-глазѣть и г. Демпдовъ, пѣвецъ съ большими природными вокальными средствами. Что же сказать о дебютантѣ, г. Виллерѣ, въ этой роли? Голосъ его очень небольшой, но пѣніе его вѣрно. Впрочемъ, партія Отшельника была исполнена имъ довольно бездѣлн и становилась почти совсѣмъ незамѣтной въ то время, какъ, при исполненіи ея г. Мазаревымъ, она выдвигалась почти на первый планъ.

Въ это представленіе опера Верстовскаго прошла довольно небрежно. Постановка ея не отличалась яркими великолѣпнми, оркестръ былъ слабъ по

своему составу, а въ самой оперѣ были сдѣланы многія выкладки, изъ которыхъ мы особенно пожалѣли обѣ очень много дуэтино въ началѣ второго акта— между Чешко и Милашей: «Счастье наше», а также и о лезвникѣ, довольно характерной и по музыкѣ, и по танцу.

О. Н.

С М Ъ С Ъ

— Въ январѣ и февралѣ этого года, т. е. до закрытія театра передъ великомъ постомъ, на московской сценѣ будутъ слѣдующіе бенефисы: гг. Садовскаго, Живокни, Шумскаго, Сѣтова, Савицкаго, Владиславлева, Соколова и Смирнова и г-жа Васильевой и Онопере. Для бенефиса Садовскаго (на Большомъ театрѣ) предполагается *Кузнецъ Захиринъ* Миланскаго *Суджоржъ* Островскаго. Г. Живокни думалъ было дать въ свой бенефисъ (на Большомъ театрѣ) оперетту Оффенбаха *Синий Ворона*, но такъ какъ эта постановлена театральною цензурою, то онъ хочетъ дать другую оперетту Оффенбаха *Грузинки* и подевить *Космосъ Гумбольдта*, переведенный съ нѣмецкаго. Въ бенефисъ г. Шумскаго (на Маломъ театрѣ) предполагается пѣса Чериевскаго *Гражданинъ бракъ*. Г-жа Васильева намѣрена дать въ свой бенефисъ (на Маломъ театрѣ) *Дмитрія Саломовица* и *Василия Шумскаго* Островскаго. Въ бенефисъ г. Сѣтова пойдетъ опера Автона Рубинштейна *Дѣти степей*. Въ бенефисъ г-жи Онопере предполагаются или опера Беллини и Виккан *Канцелетты* и *Монтеки*, или опера Верди *Трубадуръ*. Г. Савицкій дастъ въ свой бенефисъ сцену изъ оперы Сѣрова *Розинда*, *Туркестанъ* Виккан Пушкина съ музыкаю Даргомыжскаго и оперетту Оффенбаха *Волнуны*. Бенефисъ этотъ назначенъ въ понедѣльникъ, 9-го января. Г. Владиславлевъ предполагаетъ дать въ свой бенефисъ оперу-балетъ Обера *Бандерки*. Кромѣ того на Маломъ театрѣ возобновляется *Туртлофъ* Моцера въ переводѣ Хмѣльницкаго. Въ бенефисъ г. Соколова возобновляется извѣстный балетъ Гальони *Сильфиды*. Въ немъ роль Сильфиды будетъ играть г-жа Гранцова, если она возвратится изъ Москву, въ противномъ же случаѣ— г-жа Успенкова, съ которою уже и начались репетиціи этого балета. Повтореніе этого балета предполагаетъ дать въ свой бенефисъ балетный режиссеръ, г. Смирновъ.

— Въ № 1-мъ Голоса пишутъ, что въ Петербургѣ, «на балетной сценѣ, появилась—было московская танцовщица г-жа Гранцова, но, къ сожалѣнію, она опасно захворала. Диделанты въ восторгѣ отъ нея и утверждаютъ, что именно ей-то и суждено хотя отчасти пополнить тотъ пробѣлъ, который оставила за собою въ балетной труппѣ незабвенная М. П. Муравьева. Мы опасаемся только, что Москва не захочетъ уступить намъ г-жу Гранцову. Впрочемъ, въ восторженную минуту, надъ нашею балетною труппою разразилась неслыханная невзгода, дѣлающая совершенно невозможными балетные спектакли. По-

чти одновременно съ болѣзнію Гранцовой, г-жа Лебедева, въ балетѣ «Сатанилла», въ послѣднемъ актѣ, входи на ступеньки храма, была ранена театральною молніею; послѣдствіемъ этого удара и сопряженнаго съ нимъ испуга была значительная болѣзнь. Почти поверженно такая же участь постигла и г-жу Петипа: она соскользнула, танцуя въ балетѣ, и сильно ушибла себя ногу и голову. Такимъ образомъ, наша балетная сцена сразу лишилась временно трехъ своихъ лучшихъ танцовщицъ. Если прибавить къ этому, что г-жа Маданова иначе не на афишахъ тоже больно, а г-жа Кемереръ собирается ѣхать въ Москву, то всякому будетъ понятно, что продолженіе балетныхъ представленій становится положительно невозможнымъ».

— Въ тредьягодяшнемъ № Вѣдомостей Московской Городской Полиціи напечатано: 27 декабря, во время вечерняго представленія въ циркѣ

Гвинне (Тверск. ч. 2 кварт.), на которое собралось посѣтителей болѣе 2000, при сильномъ напорѣ оторвана доска, отъ чего произошло трескъ. Спавшая въ одной изъ ложъ 1-го яруса дама довольно громко сказала своей собесѣдницѣ, не покаръ-ли это. Слова ея услышаны были другими зрителями и, повторясь, привлекъ къ замѣнанательству публики до того, что нѣкоторые стали оставлять мѣста свои и устремляясь къ выходамъ; но когда полиціею замѣнено было, что пожара нѣтъ, и посѣтители не угрожаютъ никакой опасности, то всѣ успокоились и представленіе докончено въ циркѣ обычнымъ порядкомъ. При этомъ не произошло никакихъ несчастій.

— Недавно въ Вашингтонѣ, во время представленія одной политическаго труппы, мальчикъ-акробатъ упалъ по неосторожности съ огромной колесницы подъ ся колеса и былъ раздавленъ до смерти.

Ред. А. Баженовъ. Изд. П. Смирновъ. (Ред. на Молчановѣ, въ Голубинскомъ пер., въ д. Ариновой).

Ч А С Т Н Ы Е О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ДОМАШНЮЮ П Р И С Л У Г У ,

МНѢ ЛИЧНО ИЗВѢСТНУЮ, ДОСТАВЛЯЮ НЕМЕДЛЕННО.

РЕКОМЕНДУЮ гувернантокъ, бонь, учителей и всѣхъ должностныхъ лицъ, по всѣмъ отраслямъ промышленности.

ПРИСКЛАЖАЮ КВАРТИРЫ, въ теченіе 24 часовъ.

ПРИНИМАЮ ПЕРЕВОДЫ на всѣхъ новѣйшихъ языкахъ.

ОТДАЮ, ПО ПОРУЧЕНИЮ, до 200 т. р. подъ залогъ недвижимостей.

ДИСКОНТИРУЮ вѣрные вексели и очень выгодно.

ПОМѢЩАЮ КАПИТАЛЫ въ вѣрный оборотъ.

ПРОДАЮ доходные дома на лучшемъ мѣстѣ города.

Продаю ежедневно всѣ газеты отдѣльными № №, тотчасъ по прибытіи поѣздовъ.

Московскій купецъ И. П. ЛЕВАНОВЪ.

КОНТОРА МОЯ открыта ежедневно, близъ Кузнецкаго моста, въ Мало-Кузнецкомъ переулкѣ, въ д. Хомикова, противъ Фульда.

**ПОЛУЧЕНЫ СВѢЖІЯ
УСТРИЦЫ И МОРСКІЕ РАКИ
ВЪ ГОСТИННИЦѢ ДЮСО.**

ТЕЛЕГРАММА
АХЕНБАХЪ И КОЛЛИ МЛАДШІИ,
ТИРАЖЪ 2 ЯНВАРЯ
ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА:

СЕРІЯ:	10057	№	25	200000	Р.
—	7840	—	39	75000	»
—	1430	—	3	40000	»
—	3919	—	6	25000	»
—	14043	—	9	10000	»
—	13364	—	45	10000	»
—	17464	—	28	10000	»
—	19444	—	3	8000	»
—	5398	—	30	8000	»
—	14596	—	40	8000	»
—	6753	—	41	8000	»
—	19589	—	1	8000	»
—	15768	—	20	5000	»
—	9307	—	15	5000	»
—	15316	—	16	5000	»
—	18289	—	40	5000	»
—	3107	—	17	5000	»
—	7233	—	5	5000	»
—	17234	—	7	5000	»
—	14397	—	12	5000	»

ПО 6¹/₂ Р.
ЗА САЖЕНЬ БЕРЕЗОВЫХЪ ДРОВЪ
ДОСТАВЛЯЕТЪ

КОНТОРА ЛЕВАШЕВА,

въ Мало-Кузнецкомъ пер., близъ Кузнецкаго моста, въ д. Хомякова,
 противъ Фульда.